

**60 гадоў
Вялікай Перамогі**

И.М. КЛЕЦКОВА, О.Г. СПИЗАНОВА

ФЕНОМЕН ВОЙНЫ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Посвящена экспликации философской традиции изучения метафизической сущности феномена войны, сложившейся в западноевропейской философии XX в.; анализируются подходы, в которых война рассматривается как тотальное явление XX в., связанное с развитием техники, изменением либеральных представлений о возможностях и пределах власти; исследуется опыт противостояния войне.

This article is devoted to the explication of philosophical tradition of studying the metaphysical essence of the phenomenon of war developed in the West-European philosophy of 20-th century. The article analyses the approaches to war as the total phenomenon of 20-th century, which is connected with the development of engineering, change of liberal views of the potentiality and limitation of power. The experience of opposition to war is considered.

Современный мир, переживший опыт двух мировых войн, отчетливо осознает всю нарастающую опасность развязывания новой мировой войны, поскольку ежегодно увеличивается число вооруженных конфликтов, возникает реальная угроза глобальной гуманитарной катастрофы. Традиция осмысления феномена войны, ее метафизической природы сквозь призму философского дискурса имеет глубокие исторические корни. В своей статье мы хотели бы эксплицировать некоторые подходы, сложившиеся в философском дискурсе XX в. по поводу интерпретации феномена войны на основании исследований, проведенных наиболее значимыми фигурами современной философии.

Чешский философ Ян Паточка относится к числу тех, кто попытался разъяснить природу войн XX в., начало которым было положено в 1914-1918 гг. В книге «Эссе еретика» он замечает: «Мысль, что сама война может что-то объяснить, что в ней самой содержится возможность осмыслить многое, чужда всем философам истории»¹. Истолковывая мировую войну через открытие феномена ночи, Паточка опирается на «Летопись военного времени» Тейяра де Шардена. «Величайший, глубочайший опыт фронта и пребывания на линии огня заключается именно в том, что он заставил увидеть *ночь* и уже не позволяет забыть о ней». С дневной точки зрения жизнь - это высшая ценность, которая правит человеком через требование избегать опасности смерти. Но на фронте жизнь уступает место жертве, в которой обнаруживается свобода от всех интересов мира, жизни и дня, ибо «...от тех, кто приносится в жертву, требуется лишь выдержка перед лицом смерти». Оттого-то самое глубокое открытие фронта, повторяет Паточка вслед за Шарденом, состоит в переживании «обрыва жизни в ночь, борьбу и смерть, осознание, что их нельзя списать со счетов жизни, хотя с точки зрения дня они кажутся просто небытием».

Эти важные мысли отсылают нас к другому философу и писателю XX в. Эрнсту Юнгера, творчество которого позволило Паточке взглянуть на Первую мировую войну как на «решающее событие в истории XX века», определившее характер столетия. То, что война понимается как нечто грандиозное, всеохватное, хоть и осуществляемое через людей, но превосходящее их космическое событие, безусловно, объединяет Шардена и Юнгера. Более того, у обоих мыслителей ключевую роль играет опыт ночи, опасности, жертвы и абсолютной

свободы. Существенное отличие юнгеровского анализа войны, однако, состоит в том, что он претендует на определение метафизического характера мировой войны, который есть не что иное, как тотальная мобилизация, выступающая в форме технической революции.

«Мировая война - событие, превосходящее по размаху Французскую революцию», - провозглашает Юнгер в своем знаменитом эссе 1930 г. «Тотальная мобилизация». Переживание войны и фронтовой опыт занимают, пожалуй, центральное место в мироощущении поколения, к которому принадлежал Юнгер, прошедший всю войну и награжденный осенью 1918 г. высшим прусским военным орденом «Pour le merite». Первая мировая война воспринимается как событие, радикально определившее исторические черты новой эпохи, ознаменовавшее поворот, смену эпох. В событии войны Юнгер открывает огромный революционный потенциал. А именно благодаря осмыслению войны как космического феномена жизни, примиряющего и объединяющего в себе дневную и ночную стороны, он фиксирует переход войны из частичного состояния в состояние тотальное. Такое понимание войны как тотальности позволяет Юнгеру увидеть в технической революции современности скрытый «военный потенциал». Более того, в той мере, в какой техника обнажает свой военный характер, она выдает связь с жизнью, является «инструментом жизни». Превосходный физиогномист эпохи, Юнгер фиксирует рождение «новой действительности» современного мира из «стальных гроз» Первой мировой войны, которая представляет собой *планетарный технический* процесс. Военный потенциал техники, считает Юнгер, впервые заявил о себе в крупных технических сражениях Первой мировой войны, последовавших за битвой на Сомме 1916 г.: «В смертельно искрящихся зеркалах сражения военной техники мы узрели крушение безнадежно потерянной эпохи»².

А если в современном техническом мире война непосредственно связана с «рабочим тактом гигантского производства», т. е. зависит от степени вооружения, то ее исход определяется уже не в битвах армий всеобщей воинской повинности, а в битве армий работы. Это означает, что более невозможно различать «работу в целях мира» и «работу в целях войны» - иными словами, стирается грань между войной и миром. Тотальность, присущая новому типу войн XX в., не оставляет места подлинному миру. Поскольку отношение к технике является общим знаменателем для воина и рабочего, то функция современного воина получает рабочее определение, а функция современного рабочего - определение военное. Солдат становится рабочим в гигантском техническом аппарате, а рабочий - солдатом, от деятельности которого зависит результат войны.

В эссе начала 1930-х гг. «Тотальная мобилизация» и «Рабочий» Юнгер приходит к определению техники как «тотальной мобилизации». «Тотальная мобилизация» есть не что иное, как метафизический характер современности, охватывающий все жизненные отношения и без остатка подчиняющий их единственной цели - вооружению. «Картина войны как некоего вооруженного действия... вливается в более обширную картину грандиозного процесса работы. Наряду с армиями, бьющимися на полях сражений, возникают новые армии в сфере транспорта, продовольственного снабжения, индустрии вооружений - в сфере работы как таковой... В этом абсолютном использовании потенциальной энергии, превращающем воюющие индустриальные державы в некие вулканические кузницы, быть может, всего очевиднее угадывается начало эпохи работы - оно делает мировую войну историческим событием, по значению превосходящим Французскую революцию. Для развертывания энергий такого масштаба уже недостаточно вооружиться одним лишь мечом - вооружение должно проникнуть до мозга костей, до тончайших жизненных нервов. Эту задачу принимает на себя тотальная мобилизация, акт, посредством которого широко разветвленная и сплетенная из многочисленных артерий сеть современной жизни одним движением рубильника подключается к обильному потоку военной энергии»³.

Один из важнейших моментов юнгеровского диагноза современности заключается в утверждении того, что «в эпоху масс и машин» образ войны изначально

но «вписан в мирное положение вещей»⁴. Отсюда следует, что огромный революционный потенциал «тотальной мобилизации», понимаемой в «Рабочем» как функция метаисторической фигуры «гештальта рабочего», способен питать военный процесс и после фактического окончания войны⁵. Отталкиваясь от этого диагноза, мы можем трактовать войну как а priori любого экономического, политического, социального или культурного процесса - в той мере, в какой требования «тотальной мобилизации» актуальны для государств, юридически пребывающих в состоянии мира.

Описание (диагноз) технической современности в «Тотальной мобилизации» и «Рабочем» имело большое значение для философа Мартина Хайдеггера, который в 1930-е гг. размышлял об «истории бытия» и необходимости преодоления нигилизма. Для него «Рабочий» Юнгера «имеет вес, потому что он иначе, чем Шпенглер, делает то, чего до сих пор не смогла сделать вся литература о Ницше, а именно: дает опыт сущего и того, каково оно, в свете ницшевского наброска сущего как воли к власти...»⁶. «В свете» опыта технической действительности, или, говоря вместе с Юнгером, «тотального характера работы», Хайдеггер пытается толковать и «тотальность» «мировых войн» как следствие «бытийной оставленности сущего». В трактате «Преодоление метафизики» показывается, как человек втягивается в процесс «технического обеспечения» и сам превращается в «ценнейший материал для производства», позволяя своей воле полностью раствориться в этом процессе и становясь «объектом» бытийной оставленности⁷. Согласно Хайдеггеру, мировые войны - это «миро-войны», «предварительная форма устранения различия между войной и миром», какое неизбежно, поскольку «мир» стал не-миром вследствие оставленности сущего истиной бытия. Иными словами, в эпоху, когда правит воля к власти, мир перестает быть миром. «Война стала разновидностью того истребления сущего, которое продолжается при мире... Война переходит не в мир прежнего рода, но в состояние, когда военное уже не воспринимается как военное, а мирное становится бессмысленным и бессодержательным»^{8*}.

Говоря об а priori войны или вслед за Хайдеггером о не-мирном (военном) характере мира, мы, конечно, подразумеваем не только гражданский порядок, который выстраивается в силовом поле между полюсами двух мировых войн, но и его превращения - десятилетия планетарного противостояния двух «лагерей» и провозглашенную в начале 1990-х гг. эпоху глобализации (мондиализации). Иными словами, понятие а priori войны означает экономические, политические и социальные требования, которые вытекают для Европы и России из тотальности мировых и гражданских войн.

Юнгер в своей политической публицистике 1920-х гг. утверждал, что государство будущего должно строиться на четырех опорах, на «национальной, социальной, военной и диктаторской идее». Однако уже в «Рабочем» он приходит к ясному осознанию того, что принципы «нации» и «общества» - «две великие опоры государства XIX века» - теряют свой смысл там, где «образ войны вписан в мирное положение вещей». В XIX ст. нации представлялись по образцу индивидов, объединяющихся в «коллектив» (собственно, nation), общественный же договор служил, в свою очередь, образцом для межнациональных договоров. Отсюда вытекало то, что гигантские государства-индивиды, руководствующие «моральным законом в себе», были лишены возможности образовывать настоящие империи, ибо в рамках общественного договора не существует ни

Подробный анализ понятия «тотальность» войны и вытекающих отсюда метафизических следствий содержится в недавно опубликованном трактате Хайдеггера «Κοινων. Из истории бытия» (1939/1940), главным образом посвященном критике «коммунизма». «"Война" - многие понимают это слово как противоположность "миру", к которому, быть может, приводит завершение войны. "Мировые войны" получают свое имя прежде всего потому, что охватывают весь мир, в смысле обжитого земного круга, без остатка. Но более существенное содержание этого имени указывает на нечто иное. "Мир" становится военным в том смысле, что он, как некая система отсылки, подчиняет своей власти все проекты исторического человека. Война больше не отвоевывает состояние мира, но заново устанавливает существо мира... "Тотальная" война включает в себя мир, а такой "мир" исключает "войну". Различные войны и мира становятся сомнительными, потому что они все более очевидно обнаруживают в себе равно-правные проявления "тотальности"» (Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe. III. Abt., Bd. 66, hrsg. v. Peter Trawny. Frankfurt am Main, 1998. S. 228. S. 180-181).

власти, ни права, которые бы ограничивали или согласовывали их претензии. «Усилия наций, претендующих на легитимность за пределами своих границ, обречены на провал потому, что они становятся на путь чистого развертывания власти... Власть нарушает границы отведенной для нее правовой сферы и тем самым проявляется как насилие, вследствие чего, в сущности, уже не воспринимается как легитимная. Усилия общества, претендующего на то же самое, следуют обратным путем; они пытаются расширить сферу права, для которой не отведена никакая властная сфера»⁹. Так возникают объединения типа Лиги Наций - объединения, чей иллюзорный контроль над огромными правовыми пространствами находится в странной диспропорции с объемом их исполнительной власти. Согласно диагнозу Юнгера, такая диспропорция неизбежно порождает «гуманистический дальтонизм», выражающийся в теоретическом конструировании новых правовых пространств и процедуре санкционирования *de iure* уже совершившихся *de facto* актов насилия.

Стало быть, принципы «нации» и «общества» были нацелены на обеспечение индивидуалистического буржуазного понятия о свободе, реализуемого внутри наций при всеобщем состоянии мира. В мире, стоящем под знаком техники и наращивания вооружений, всеобщие принципы XIX ст. превращаются в «рабочие и мобилизационные величины» и уже не являются целью прогресса. Юнгер показывает, как в ходе мобилизации средств национальной демократии во время мировой войны (парламенты, либеральная пресса, общественное мнение, гуманистический идеал) социализм становится «предпосылкой более строгого авторитарного членения, а национализм - предпосылкой для задач имперского ранга»¹⁰.

Таким образом, в той мере, в какой война обнаруживает свой априорный характер, не только вскрывается глубокий кризис юридических и социально-политических понятий, но и претерпевает изменение взгляд на экономику как на либеральное предприятие. Интересно, что для Юнгера, который был близок кругу национал-большевиков Э. Никиша и посещал вечера по изучению плановой экономики при советском посольстве в Берлине, опыт Советской России стал своего рода парадигмой для описания современной действительности как «тотальной мобилизации»; «рабочий» же - этот новый тип человека и господин техники - имел множество сходств с советским социалистическим рабочим 1930-х гг. Русская «пятилетка», как замечает Юнгер, впервые явила миру попытку сведения в единое русло совокупных усилий великой империи: в частности, плановая экономика, представляющая собой не более чем итог демократического развития, перерастает схемы экономического мышления и сменяется «развертыванием власти как таковой»¹¹.

Впрочем, на военный характер современного мира возможен и иной взгляд, в котором отражается иное измерение войн XX в., выходящее за рамки фразеологии «холодной войны», «атомной войны», «третьей мировой войны», «четвертой мировой войны» и других еще неведомых войн. Такой взгляд предлагается в статье Михаила Маяцкого «Новая непрозрачность в эпоху перехода от мирной экономики к военной» (фрагмент был недавно впервые опубликован в приложении к «Независимой газете») ¹². «Несомненно, что мы вошли в фазу ре-банализации войны... Основным моральным стержнем новой войны стала забота о том, как бы избежать войны. Если кто-то хочет пересмотреть национальные границы, против него начинают войну, чтобы воспрепятствовать прецеденту, т. е. избежать войны (большей, более жестокой). Хотя всем понятно, что это и есть самая настоящая война, больше которой по эту сторону атомного рубежа уже просто не может быть...» Маяцкий заостряет формулировку: «объявлена война войне». «Война есть варварский атавизм и должна остаться в прошлом, и нет цены (материальной, человеческой), которую мы не были бы готовы заплатить (т. е. нет войны, которую мы не были бы готовы начать), чтобы она не началась... Современная война ведется не против и не во избежание ядерного конфликта, а против и во избежание а-моральной, до-моральной войны... Наступившая эпоха войны не только не противоречит эре глобализации, как считал/ет Эко, но даже предполагает ее, Интернет является детищем Пен-

тагона в такой же степени, как и цветное кино является побочным продуктом военной аэрофотосъемки...»¹³

Известная доля близорукости не мешает Маяцкому отчетливо видеть военный характер мира (в хайдеггеровском смысле) или а priori войны также и после провозглашения эпохи глобализации (мондиализации). Здесь автор любопытным образом повторяет Паточку. Разница состоит в том, что, в отличие от современного философа-публициста, Паточка отталкивался от войн и революций начала XX в. Из них родилось не только острое ощущение иллюзорности мира, т. е. дневной стороны жизни, но и осознание «бессмысленности идей социализма, прогресса, демократии и свободы». Вместе с тем гуманист Паточка не может не сожалеть, что опыт абсолютной свободы, объединивший врагов в акте солидарности и любви, этот «великий опыт, единственно способный отвратить человечество от войны», не нашел применения в истории XX в. Впрочем, проникнутый глубокой грустью вопрос: «Почему этот опыт не играл и до сих пор не играет в нашей жизни той роли, которую играла и играет в большой войне XX века мнимая война за мир?» - исходит из глубокого понимания реальности новой «войны против войны». Генеалогию европейского феномена борьбы за мир Паточка прослеживает с поразительной точностью. Его первые ростки можно найти еще у Барбюса¹, в полной же мере он проявил себя в исторически важной и недооцененной форме при переговорах в Брест-Литовске, а позже - во время Второй мировой войны и после нее. Решимость покончить со всем, что делает возможной войну, свидетельствует, по мнению Паточки, о том, что и в этом движении «ощущается нечто "эсхатологическое", нечто подобное концу всех ценностей дня». Осознанная бессмысленность прошлой жизни и войны ведет, таким образом, к оправданию новой - войны против войны.

Очевидно, что размах социальных и экономических успехов и не меньший размах нищеты в странах «третьего мира», планетарные конфликты и «борьба с терроризмом» доказывают неспособность глобализированного человечества победить в войне, которая понимается как «борьба за мир». Ведь условием возможности мира уже давно стала война, а мир уже давно перестал быть мирным. Вправе ли мы тогда искать шанс исхода в безопасный мир в «подключении» к процессу глобализации (мондиализации) вкупе с ее сомнительными «вызовами», если она сама рождается из опыта утраты мира?

- 1 Паточка Я. Эссе еретика // Век XX и мир. 1994. № 5-6.
<http://www.russ.ru:8080/antolog/vek/1994/5-6/patochka.htm#1b>
 2 Juenger E. Feuer und Blut. Stuttgart, 1978. С. 451.
 3 Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт: Сб. / Пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб., 2000. С. 449-450.
 4 Там же. С. 453.
 5 См.: Михайловский А.В. Значение языка «Рабочего» для хайдеггеровской критики метафизики // Историко-философский ежегодник 2001. М., 2001.
 6 Heidegger M. Zur Seinsfrage // Wegmarken. 3. Frankfurt am Main, 1996. S. 390.
 7 См.: Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1993. С. 188.
 8 Там же. С. 188-189.
 9 Юнгер Э. Рабочий // Указ. соч. СПб., 2000. С. 282.
 10 Там же. С. 351.
 11 Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Там же. С. 452.
 12 Маяцкий М. Новая непрозрачность. Во имя чего сегодня гибнут на войне хорошие парни // НГ Ex Libris. 24.10.2002.
 13 Там же.

Поступила в редакцию 14.04.05.

Ирина Михайловна Клецкова - старший преподаватель кафедры философии культуры.

Ольга Геннадьевна Слизанова - студентка 3-го курса факультета философии и социальных наук.

Примечательно, что «воин гуманности» Барбюс причисляется к первым противникам войны и в «Тотальной мобилизации» Юнгера. Ср.: «Он... не видел никакой иной возможности соответствовать своим идеям, кроме как с самого начала сказать "да" этой войне, поскольку в его сознании она отображалась как борьба прогресса, цивилизации, гуманности и даже самого мира против сопротивляющейся всему этому стихии» (Юнгер Э. Тотальная мобилизация. С. 462-463).